

Проблемы издания и комментирования русского магического фольклора

Андрей Л. Топорков

*Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН,
Москва, Россия, atoporkov@mail.ru*

Аннотация. Фактически заговоры представляют собой два разных жанра и корпуса текстов, один из которых функционирует в устной, фольклорной традиции, а другой – в «низовой» рукописной. Соответственно, исследователи и публикаторы заговоров довольно четко делятся на две группы: устными заговорами по большей части занимаются фольклористы, а рукописными – историки, литературоведы и археографы. Если первые находят свои источники в фольклорных экспедициях и архивах, в которых хранятся записи аналогичных экспедиций прошлых лет, то вторые занимаются в архивах в основном с материалами XVII–XIX вв.

Заговоры, с одной стороны, включают ряд разновидностей (приговоры, обереги, заговоры-молитвы и др.), а с другой – в одних рукописях с ними фиксируются тексты других жанров. В связи с этим перед комментатором стоит задача идентифицировать жанровую природу текста, который может относиться к одной из разновидностей заговоров или даже относиться не к самим заговорам, а, например, к апокрифическим молитвам.

Комментатор имеет дело, с одной стороны, с единичными заговорами, а с другой – с теми гипертекстовыми структурами, в которые включены эти заговоры. В случае с устными заговорами это, во-первых, другие заговоры, которые входят в репертуар данного исполнителя или локальной традиции, а во-вторых, ритуальная обстановка, в которой исполняется заговор. В случае же с рукописными заговорами комментатор рассматривает текст в составе определенной рукописи и в контексте имеющейся информации о ее происхождении и содержании.

Одна из задач, стоящих перед исследователями и публикаторами заговоров, заключается в том, чтобы разработать определенный стандарт научных изданий, который бы соответствовал академическим требованиям в области текстологии и источниковедения. Для

реализации задач, стоящих перед издателями магического фольклора, извлеченного из рукописей раннего Нового времени, требуется подготовка таких специалистов, которые могли бы квалифицированно заниматься и полевой, и археографической, и публикаторской работой.

Ключевые слова: магические тексты, фольклор, заговоры, рукописи, ритуалы, комментарии, текстология, народная медицина, колдовство

Дата поступления статьи: 15 июня 2023 г.

Дата одобрения рецензентами: 29 августа 2023 г.

Дата публикации: 26 июня 2024 г.

Для цитирования: Топорков А.Л. Проблемы издания и комментирования русского магического фольклора // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2024. Т. 7. № 2. С. 81–108. DOI: 10.28995/2658-5294-2024-7-2-81-108

Problems of publishing and commenting on Russian magical folklore

Andrei L. Toporkov

*A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, atoporkov@mail.ru*

Abstract. In fact, verbal charms represent two different genres and bodies of texts, one of which functions in the oral, folklore tradition, and the other in the “grassroots” handwritten tradition. Accordingly, researchers and publishers of verbal charms are quite clearly divided into two groups: oral verbal charms are mostly dealt with by folklorists, and handwritten verbal charms are dealt with by historians, literary scholars and archaeographers. If the former find their sources in folklore expeditions and in archives that store records of similar expeditions of past years, then the latter study in archives mostly with materials from the 17th – 19th centuries.

Verbal charms, on the one hand, include a number of varieties (ritual formulators, apotropaic, verbal charms-prayers, etc.), and on the other hand, texts of other genres are recorded in some manuscripts with them. In this regard, the commentator is faced with the task of identifying the genre nature of the text, which may relate to one of the types of verbal charms or even relate not to the verbal charms themselves, but, for example, to apocryphal prayers.

The commentator deals, on the one hand, with individual verbal charms, and on the other, with those hypertext structures in which these verbal charms are included. In the case of oral spells, these are, firstly, other spells that are included in the repertoire of a given performer or local tradition, and secondly, the ritual setting in which the spell is performed.

In the case of handwritten verbal charms, the commentator considers the text as part of a specific manuscript and in the context of the available information about its origin and content.

One of the challenges facing spell researchers and publishers is to develop a certain standard of scholarly publications that would meet academic requirements in the field of textual criticism and source criticism. To implement the tasks facing publishers of magical folklore extracted from manuscripts of the early modern period, it is necessary to train specialists who could competently engage in field, archaeographic, and publishing work.

Keywords: magical texts, folklore, spells, manuscripts, rituals, commentaries, textual criticism, traditional medicine, witchcraft

Received: June 15, 2023

Approved after reviewing: August 29, 2023

Date of publication: June 26, 2024

For citation: Toporkov, A.L. (2024), "Problems of publishing and commenting on Russian magical folklore", *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 7, no. 2, pp. 81–108. DOI: 10.28995/2658-5294-2024-7-2-81-108

В последние десятилетия появились библиографические и сюжетно-мотивные указатели заговоров, обширные публикации полевых и архивных материалов. По-новому открылась рукописная традиция заговоров XVII–XVIII вв. В то же время значимость научного аппарата и, в частности, комментариев не всегда осознается даже университетскими и академическими публикаторами. Некоторые научные издания по способу подачи материала и уровню его осмысления ненамного отличаются от популярных.

По-человечески вполне объяснимо желание как можно скорее познакомиться коллег с текстами, обнаруженными в архивной рукописи или записанными в ходе фольклорной экспедиции. Однако поспешные действия могут поставить публикатора в незавидное положение, если, например, впоследствии выяснится, что в архивной рукописи были скопированы тексты из какого-нибудь издания XIX в. или что родители сельской жительницы, которая сообщила заговоры фольклористам, выписали их из «Тихого Дона» или другого литературного произведения. Такие некачественные публикации впоследствии отзываются эхом в научной литературе и приводят к построению ложных гипотез. В результате исследователям, вместо того чтобы изучать аутентичные тексты, приходится тратить время на проверку чужих домыслов.

В нормальной ситуации публикации текстов предшествует их критическая оценка с точки зрения их источника, жанровой принадлежности, отнесения к устной или рукописной традиции,

аутентичности, качества записи, степени полноты, наличия утрат, ошибок, описок и т. д. Только после этого принимается решение о целесообразности или нецелесообразности публикации полевых или архивных материалов.

Комментарий является результатом научной работы с текстами и предполагает предварительные разыскания библиографического, аналитического и иного характера. Публикатор должен быть готов к тому, что подготовка комментария к тексту может занять не меньше времени, чем работа с носителями традиции в экспедиции или с рукописью в архиве.

Заговоры в кругу жанров магического фольклора и «низовой» рукописной традиции

Фактически заговоры представляют собой два разных жанра и корпуса текстов, один из которых функционирует в устной, фольклорной традиции, а другой – в «низовой» рукописной. Соответственно, исследователи и публикаторы заговоров довольно четко делятся на две группы: устными заговорами по большей части занимаются фольклористы, а рукописными – историки, литературоведы и археографы. Если первые находят свои источники в фольклорных экспедициях и в архивах, в которых хранятся записи аналогичных экспедиций прошлых лет, то вторые занимаются в архивах с материалами XVII–XIX вв.

Очевидно, что фольклористы и историки-археографы имеют разное образование и профессиональную подготовку, по-разному ставят научные задачи. Однако и при работе с живой традицией, и при работе с рукописями решаются определенные сходные проблемы, что позволяет использовать некоторые общие принципы подачи материала и комментирования текстов. Само противопоставление устных и рукописных заговоров для периода XVII–XIX вв. в известном смысле является условным, поскольку до появления звукозаписывающей аппаратуры тексты могли быть зафиксированы исключительно на бумажном носителе.

При работе с рукописями не всегда просто определить, имеем ли мы дело с записью устного текста или с записью текста, скопированного из какой-нибудь другой рукописи. Протограф нашего текста в свою очередь мог быть записан со слов какого-нибудь «знающего», а мог попасть в русскую традицию в составе какого-нибудь рукописного сборника, минуя устную традицию.

Русские заговоры массово представлены в источниках начиная с XVII в., хотя отдельные записи магических текстов встречаются и ранее. На протяжении всего этого периода наблюдаются

два вектора во взаимодействии устных и письменных магических текстов.

С одной стороны, тексты, зафиксированные на бумаге или другом материальном носителе, переходили в устную традицию, где подвергались различным трансформациям: упрощались, утрачивали христианский ономастикон, включали в себя фольклорные мотивы, подвергались давлению местной фольклорной традиции и т. д.

С другой стороны, устные заговоры фиксировались в рукописях и книгах, которые начинали жить своей жизнью, консервировали традицию, передавались на большие расстояния, порождали специфическую мифологию письменных амулетов и черных книг и т. д.

Эти встречные импульсы действовали с разной интенсивностью в разные эпохи, причем исследователи, как правило, имеют возможность наблюдать не сам процесс перехода того или иного текста из одной сферы функционирования в другую, а его результаты.

В социокультурном аспекте важно то, что письменная фиксация магических текстов наложила существенный отпечаток на их структуру и содержание. В результате длительного взаимодействия устных и письменных традиций выработался определенный формуляр русских заговоров, многие из которых представляют собой промежуточные образования между заговором и молитвой. По своему происхождению это могут быть либо апокрифические молитвы и даже повествовательные тексты, которые подверглись переделке в духе фольклора, либо устные заговоры, которые подверглись книжному влиянию. Сближение заговора с молитвой проявляется в использовании инициальных и заключительных молитвенных формул («Господи, благослови, отче», «Во имя Отца и Сына и Святого Духа», «Отныне, присно и во веки веков», «Аминь» и др.), во введении в текстовое пространство таких персонажей, как Христос, Богородица, архангел Михаил, апостолы и святые, которым дана сила побеждать зло и болезни. В типовом русском заговоре с мотивом «сакрального центра» рассказывается о том, как имярек отправляется на море или в поле, останавливается там перед камнем Алатырем или церковью с Богородицей на престоле и обращается к ним с просьбой об исцелении и помощи (см. [Агапкина 2010, с. 33–87]). Таким образом, реплика имярека представляет собой своеобразную молитву в составе магического нарратива. В рукописной традиции XVII–XVIII вв. заговоры часто так и называли молитвами.

Судя по судебно-следственным материалам в XVII–XVIII вв., заговоры были распространены не только в деревне, но и в городах,

включая столичные, среди самых разных групп населения. Их использовали крестьяне, дворовые, посадские, купцы, приказные, военнослужащие и их жены, помещики, дворяне и даже придворные, не говоря уже о колдунах, знахарях, знахарках, повитухах и травниках. По наблюдениям Е.Б. Смилянской, в XVIII в. в роли колдунов могли выступать люди маркированных профессий – солдаты, матросы, коновалы, мельники, рыбаки, а в городах еще и дворники [Смильская 2003, с. 117–118]. Рукописные сборники заговоров часто составляли и хранили представители низшего духовенства, сведущие в богослужебной литературе и в то же время близкие фольклорной культуре. «В XVIII в. по обвинению в колдовстве и пользовании магическими заговорами перед следствием предстали по меньшей мере четыре десятка приходских попов, дьяконов, дьячков, пономарей» [Смильская 2002, с. 78].

Заговоры среди устных и рукописных текстов других жанров

В научных публикациях термин «заговоры» употребляется в двух основных значениях – узком и широком. В узком смысле под «заговорами» понимают магические тексты, которые произносят для лечения болезней и решения других проблем личной жизни. В широком смысле термин «заговоры» используется как обобщенное название разных магических текстов, включая не только собственно заговоры, но и приговоры (магические формулы), заговоры-обереги, заговорные молитвы (молитвы-заговоры) и др.¹ Тексты, относимые к заговорам, значительно отличаются друг от друга по своему объему, функциям, модусу существования, структуре, происхождению, соотношению с церковной и фольклорной традициями.

В диалектной речи магические тексты описывали словами: *заговор, наговор, нашепт, оберег, обереж, приговор, слова, шептание* и др. Для обозначения пастушеских заговоров использовали слова «отпуск» и «обход». Любовные заговоры называли присухами (присухами, приворотами), а противоположные, призванные разлучить супругов, – отсушками (отсухами, отворотами). Для описания магических практик часто использовали не номинативы, а описательные конструкции типа: «Бабушка пошептала», «Он заговорился от ружья» и т. п.

¹ См. статьи «Заговоры», «Заклинание», «Любовная магия», «Медицина народная», «Молитва», «Обереги», «Приговоры», «Речь ритуальная» в этнолингвистическом словаре «Славянские древности» (СДЭС).

Сам термин «заговоры» восходит к народной номенклатуре, однако в фольклорной традиции он не является ни единственным, ни наиболее распространенным. Начало его широкого использования связано со «Сказаниями русского народа» И.П. Сахарова, в которых впервые была опубликована коллекция магических текстов, причем в названии каждого из них использовалось слово «заговор»: «Заговор на путь-дороженьку», «Заговор от укушения змеи» и т. д.²

Сходную судьбу, кстати, имело и слово «былина», которое тоже было известно и до И.П. Сахарова, однако именно после публикации «Сказаний русского народа» стало восприниматься как основное название русских эпических песен, которые самими исполнителями обычно именовались «старинами» (см.: [Захарова 2014]).

Термин «заговоры», несмотря на его широкое распространение, трудно признать удачным, поскольку он существует параллельно с омонимичным термином, обозначающим ‘тайное соглашение нескольких лиц о совместных действиях против кого-нибудь для достижения каких-нибудь определенных политических целей’ (словарь Д.Н. Ушакова³). Поэтому названия типа «Русские заговоры», «Заговоры пастухов» и т. п. неизбежно будут вызывать ложные ассоциации. При работе в поле обычно приходится пользоваться не словом «заговоры», а той терминологией, которая привычна для местных жителей.

Магическая словесность представляла собой сложно организованный континуум, который в целом структурировался двумя основными противопоставлениями: «письменное – устное» и «церковное – светское». При этом мы видим, с одной стороны, довольно ясное противопоставление на полюсах и «перетекание» форм в центральной зоне. Не всегда можно сказать, имеем ли мы дело с заговорами или с какими-то разновидностями молитвословных текстов. Тем более трудно сказать, как именно воспринимались эти тексты людьми, которые ими пользовались, переписывали и хранили в виде рукописей. По-видимому, многие из них искренно считали заговоры вполне допустимым средством лечения болезней и воздействия на окружающий мир и не видели какой-то принципиальной разницы между заговорами и молитвами. Нужно также учитывать, что в требники и часословы включались спорадически молитвы, близкие заговорам.

² Сказания русского народа о семейной жизни своих предков, собранные И.П. Сахаровым. СПб.: Тип. Сахарова, 1841. Т. 1. Кн. 2. С. 18–35.

³ Заговор // Толковый словарь русского языка: В 4 т. М.: Сов. энциклопедия; ОГИЗ, 1935. Т. 1. Стб. 914. URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/08/us191404.htm> (дата обращения 15 дек. 2023).

Заговоры бытовали в социальном пространстве параллельно с различными формами ритуальной речи, такими как клятвы (присяги), проклятия, угрозы, ругательства (в частности, матерная брань), благопожелания, диалоги-ритуалы, а также с такими текстами, как заклички, считалки, опахивательные песни, «песни русалок» и т. д. В одних рукописях с заговорами встречаются канонические и апокрифические молитвы⁴, магические формулы (приговоры), «черные» колдовские заговоры для наведения порчи, заклинания для изгнания демонов, «прошения» к лесному царю, расписки о «договоре» с Сатаной, разного рода абракадабры и магические квадраты и т. д.

Если исследователь заговорной традиции имеет возможность ограничиться определенной группой заговоров, то публикатор вынужден иметь дело со множеством текстов, которые в строгом смысле не являются заговорами, хотя и функционируют вместе с ними в устной и рукописной традициях.

⁴ Литература о соотношении заговора и молитвы практически необозрима. Из работ последних десятилетий см.: [Левкиевская 2002; Терешкина 2011; Шестеркина 2014]. Для нашей темы наибольший интерес представляют публикации и исследования апокрифических молитв; см., например: Памятники отреченной русской литературы / Собраны и изданы Н. Тихонравовым. М.: Университетская тип., 1863. Т. 2. С. 351–360; *Порфирьев И.Я.* Апокрифические молитвы по рукописям Соловецкой библиотеки // Труды Четвертого археологического съезда. Казань: Тип. Императорского университета, 1891. Т. 2. 3-я паг. С. 1–24; *Соколов М.И.* Новый материал для объяснения амулетов, называемых змеевиками // Древности: Тр. Слав. комиссии имп. Моск. археол. о-ва. 1895. Т. 1. С. 134–202; *Алмазов А.И.* К истории молитв на разные случаи (Заметки и памятники). Одесса: «Экономическая» тип., 1896. 53 с.; *Алмазов А.И.* Врачевальные молитвы: К материалам и исследованиям по истории рукописного Требника. Одесса: «Экономическая» тип., 1900. 148 с. (репр. изд.: М., 2012); *Алмазов А.И.* Апокрифические молитвы, заклинания и заговоры (К истории византийской отреченной письменности). Одесса: «Экономическая» тип., 1901. 120 с.; *Яцимирский А.И.* К истории ложных молитв в южнославянской письменности // Изв. Отд-ния рус. языка и словесности имп. Академии наук. 1913. Т. 18. № 3. С. 1–102; Т. 18. № 4. С. 16–126; *Прилуцкий В.Д.* Частное богослужение в Русской Церкви в XVI и первой половине XVII в. Киев: Тип. акц. о-ва «Петр Барский в Киеве», 1912. 376 с. (репр. изд.: М., 2000).

Заговоры в составе гипертекстовых структур

Комментатор имеет дело, с одной стороны, с единичными заговорами, а с другой – с теми гипертекстовыми единствами, в которые включены отдельные заговоры⁵. В случае с устными заговорами это, во-первых, другие заговоры, которые входят в репертуар данного исполнителя или локальной традиции, а во-вторых, ритуальная обстановка, в которой исполняется заговор. В случае же с рукописными заговорами комментатор рассматривает текст в составе определенной рукописи и в контексте тех знаний о ее составителе и ее содержании, которые он извлекает из самой рукописи и сопутствующих материалов. Такие сведения целесообразно включать в преамбулу к публикации текстов либо в преамбулу к затекстовым комментариям.

При публикации изустных заговоров объем гипертекстового единства, в составе которого читателям предлагаются тексты, отчасти задается самой традицией, а отчасти регулируется собирателями и публикаторами. В зависимости от количества имеющихся текстов публикуются заговоры из репертуара одного или нескольких исполнителей, одной или нескольких локальных традиций, одного или нескольких регионов. Публикатор рукописных заговоров исходит из содержания и объема конкретной рукописи, и его вмешательство в отбор текстов и организацию их последовательности в основном ограничено параметрами самой рукописи.

В сводных изданиях заговоров начиная со сборников Л.Н. Майкова и П.С. Ефименко преобладают изустные тексты, хотя встречаются и рукописные; заговоры обычно группируются на основе функционального принципа⁶. Тексты, записанные от определенного исполнителя или заимствованные из одной рукописи, при этом «рассыпаются» по разным разделам.

В изданиях рукописных заговоров начиная со сборника Н.Н. Виноградова тексты обычно приводятся «по рукописям»⁷ (ОЧР; РЗРИ). Полностью публикуются такие рукописи, которые

⁵ О понятии гипертекстовых единств в фольклористике см.: [Дианова 2002].

⁶ Майков Л.Н. Великорусские заклинания. СПб.: Тип. Майкова, 1869. 164 с.; Ефименко П.С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. М.: Тип. Ф.Б. Миллера, 1878. Ч. 2. С. 139–222 (Тр. Этногр. отд. имп. О-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском ун-те; т. 30; кн. 5; вып. 2)

⁷ Виноградов Н.Н. Заговоры, обереги, спасительные молитвы и проч. (По старинным рукописям и современным записям). СПб.: Тип. М-ва путей сообщ.: Т-во И.Н. Кушнерев и К^о, 1908–1910. Вып. 1–3.

целиком посвящены заговорам, а выборочно – такие, в которых наряду с заговорами встречаются тексты других жанров, и такие, основное содержание которых составляют тексты других жанров, однако встречаются и единичные заговоры.

В некоторых заговорных рукописях отсутствует членение на тексты. Если в рукописи тексты не пронумерованы и не озаглавлены, а границы между ними не обозначены тем или иным способом, то публикатор может ориентироваться на типовые формулы, с помощью которых маркируются начало и конец заговора. Однако при этом не всегда ясно, как отличить контаминацию двух заговоров от случая, когда один из них просто записан вслед за другим.

В рукописях с пастушескими и воинскими заговорами граница между разными частями текста также может отсутствовать. И воинские заговоры, и пастушеские «отпуска» представляют собой определенные гипертекстовые единства; искусственно изымать из них тексты или менять порядок их следования нецелесообразно. В то же время допустимо делить текст на абзацы и вводить дополнительно нумерацию в угловых скобках. Такие рукописи желательно публиковать целиком, а при составлении комментариев учитывать существующую типологию пастушеских «отпусков» (см.: [Бобров, Финченко 1986; Ильина, Ипполитова 2009]) и многочисленные публикации воинских заговоров, типология которых еще нуждается в разработке.

Заговоры от лихорадки с сюжетом «Сисиниевой легенды» в рукописях XVII–XVIII вв. могли включаться в состав специального чинопоследования наряду с текстами «Похвалы Кресту» и заклинаниями трясавицы. Эти тексты, следующие друг за другом (правда, в разной последовательности), также желательно публиковать единым блоком с разбивкой на абзацы (СЛФРТ, с. 562–566).

Публикация той или иной записи, помимо самого текста заговора, может включать описание определенных ритуальных действий. Издатели обращаются с такими инструкциями по-разному: одни просто публикуют их наряду с текстами заговоров, другие сокращают или вовсе игнорируют. В последнем случае заговоры, по существу, превращаются в литературные произведения, так как утрачивается их связь с обрядовым контекстом. Впрочем, в случаях, например, с заговорами от кровотечения или от ячменя восстановить мысленно такой контекст не так уж и сложно.

Типы магических рукописей

Широкий круг магических текстов обнаружен исследователями в составе судебно-следственных материалов XVII–XVIII вв. (см. публикации О.Д. Журавель (Горелкиной), А.С. Лаврова, Т.В. Михайловой, Н.Н. Покровского, Е.Б. Смилянской). В некоторых следственных материалах имеются оригиналы магических рукописей, в других – копии таких рукописей или выписки из них, в третьих – записи устных заговоров, зафиксированные в ходе допросов. Сохранились и своеобразные «библиотечки» магических текстов, включающие целые собрания столбцов с записями заговоров и гадательных текстов (РЗРИ, с. 331–342). Имеются также перечни заговоров, входивших в состав таких «библиотечек», хотя сами рукописи по окончании следствия обычно уничтожались (см.: [Смилянская 2003, с. 72]).

В русской традиции, рассмотренной за период с XVII в. до нашего времени, мы можем выделить три группы рукописей в зависимости от того, кто их составлял и какие задачи при этом решались:

1) *рукописи, созданные самими носителями традиции* для использования заговоров в магических практиках;

2) *рукописи, составленные любителями-краеоведами* для себя или для последующей передачи в архив и публикации;

3) *рукописные материалы участников различных экспедиций*, собранные с целями изучения деревенского фольклора.

В первой группе имеется несколько подгрупп:

1) специализированные заговорные рукописи определенного состава, которые использовались профессионалами (пастухами, военнослужащими, пчеловодами), обладали определенным внутренним единством и были подчинены общему целеполаганию. Например, пастушеские «отпуски» и сборнички заговоров от вражеского оружия имели характер оберегов, рассматривались как письменные амулеты и должны были защитить солдат на войне и стадо во время выпаса;

2) заговорные рукописи смешанного состава, в которых имеются заговоры разного функционального назначения. Наиболее ярким примером такой рукописи является Олонецкий сборник – своеобразная энциклопедия русской магической традиции XVII в. (РЗРИ, с. 37–310);

3) рукописи, соединяющие в себе черты первой и второй группы, то есть специализированных рукописей и заговорных рукописей смешанного состава. К ним можно отнести Великоустюжский сборник XVII в., в котором большинство текстов составляют обереги от вражеского оружия, однако имеется и подборка свадебных оберегов (ОЧР, с. 177–224);

4) рукописи смешанного состава, в которых, наряду с заговорами, представлены и тексты других жанров (например, апокрифические тексты «Сказание о двенадцати пятницах» и «Лист Иерусалимский», неканонические «Молитва Архангелу Михаилу», «Молитва священномученика Киприана» и др.). В качестве примера можно привести сборник из библиотеки Казанского университета, опубликованный Е.Б. Смилянкой (ОЧР, с. 297–364);

5) рукописные лечебники, в которых заговоры даются вперемешку с медицинскими и хозяйственными рекомендациями (см. лечебник XVII в., опубликованный М.Ю. Лахтиным⁸).

Причины массового переписывания магических текстов и их широкого распространения во многом объясняются социальными условиями их функционирования. Так, например, по материалам XIX – начала XX в., на Русском Севере пастух должен был иметь «отпуск», чтобы нормально пасти скот, получать за работу более высокую плату, восприниматься сельским сообществом как «знающий» человек. «Отпуск» давал объяснительную модель, которая позволяла пастуху найти выход из критических ситуаций, например в случае пропажи домашнего скота (см.: [Мороз 2001; Мороз 2003]).

Многие магические рукописи (охотничьи, пастушеские, воинские, социальной направленности и др.) функционировали параллельно в двух регистрах – как рукописные амулеты и как тексты, которые следовало читать, чтобы придать им действенность. Использовать список в качестве амулета мог и грамотный человек, и неграмотный, однако грамотный мог еще дополнительно и прочесть его. Например, в заговорах от вражеского оружия, как правило, говорится, что носить их нужно, зашив в одежде, в месте чистом. Сюжет «Сна Богородицы» воплощался и в виде апокрифической статьи, и в виде духовного стиха, и в виде заговора; тексты завершались перечислением тех благ, которые давало переписывание и хранение этого текста, и тех несчастий, от которых оно могло предостеречь [Топорков 2023].

С магическими целями использовали не только тетрадки, но и отдельные листы, на которых, например, записывали заговоры от лихорадки или «Сон Богородицы», чтобы носить их в ладанке вместе с нательным крестиком или хранить в другом месте. Эти же тексты могли включаться в рукописные собрания заговоров. Список заговора, который должен был сделать нечувствительным к пыткам, человек прятал в свою обувь, а рукописный заговор на власть вшивал в шапку, отправляясь на суд или к начальству (ОЧР, с. 100–101).

⁸ *Лахтин М.Ю.* Старинные памятники медицинской письменности. М.: Печ. А. Снегиревой, 1912. 229 с. (Зап. Моск. археол. ин-та; т. 17)

О магическом использовании одиночных записей мы узнаем по большей части из лечебников. Например, загадочные слова или буквы под титлами писали на хлебе, яблоке, просфоре, которые потом следовало съесть; писали кровью на лбу, чтобы остановить кровь. Бумагу с магическими записями сжигали, пепел разводили в воде и выпивали [Топорков 2005, с. 309–311].

Большинство сохранившихся рукописей первой группы относятся к XVII–XVIII вв., хотя некоторые из них функционировали и позднее, в XIX–XX вв. и даже в наше время.

Ко второй группе мы относим рукописи, составленные в основном краеведами для себя, для передачи в архив, в какое-нибудь научное общество или какому-нибудь ученому-собирателю для последующей публикации. Появление таких рукописей связано с пробуждением фольклорных интересов в обществе в 1830–1840-е гг. и с деятельностью Русского географического общества, основанного в 1845 г. Среди корреспондентов РГО и других научных обществ преобладали любители-энтузиасты из местной интеллигенции: врачи, священники, учителя, мелкие чиновники. Круг их профессиональных занятий накладывал отпечаток на их коллекции. Например, в рукописях, составленных священниками, обычно много молитв, в записях врачей преобладают лечебные средства и т. д. Эти материалы характеризуют в основном устный репертуар сельской традиции, хотя собиратели-краеведы не только записывали тексты изустно, но и выписывали их из «заветных тетрадок», хранившихся у местных жителей.

После революции, гражданской войны, коллективизации, раскулачивания и дела краеведов количество энтузиастов, готовых записывать заговоры у своих земляков, значительно уменьшилось. Рукописи, относящиеся ко второй группе, датируются главным образом периодом с середины XIX в. до 1917 г., хотя отдельные коллекции возникали и позднее.

Третью группу составляют рукописные материалы, которые создавались и продолжают создаваться профессиональными учеными или студентами в ходе фольклорных экспедиций. Это могут быть не только тетрадки, но и карточки, листы, исписанные от руки, напечатанные на машинке или распечатанные с электронного набора. Если рукописи, отнесенные нами ко второй группе, составляли любители-краеведы, которые сами жили и работали в сельской местности или в небольших городах и постоянно общались с местными жителями, то рукописные материалы третьей группы создавали в основном фольклористы и диалектологи, которые целенаправленно приезжали в сельскую местность на небольшое время. Хронологически рукописи третьей группы относятся в основном к периоду 1900–1930-х гг. и далее с 1950-х гг. по настоящее время.

Несмотря на исторические катаклизмы, в сельской местности рукописная традиция продолжала функционировать и в советский, и в постсоветский период, особенно среди старообрядцев. В настоящее время хорошие результаты дают совместные экспедиции археографов и фольклористов. Рукописи с записями магических текстов могут найтись в разных местах: в домах у местных жителей, в краеведческом музее, школьном музее, доме культуры, местной библиотеке. Это могут быть старинные рукописи, сохранившиеся у их владельцев или переданные ими в местные музеи или дома культуры, «заветные» тетрадки, хозяйственные (домовые) книги с вписанными в них заговорами и молитвами, творческие работы школьников и их фольклорные записи. Представители местной интеллигенции (прежде всего учителя – словесники и историки) подчас собирают свои собственные библиотеки рукописной и печатной магической литературы. Подобные рукописи и издания также заслуживают внимания и могут отчасти объяснить происхождение фольклорного репертуара (см.: [Фадеева 1995; Дианова, Ковпик, Чеканова 2002; Дианова 2004]).

Приведем интересные наблюдения В.А. Москвиной, которой удалось выявить в Западной Сибири «следующие типы письменных заговоров: во-первых, заговоры, бытующие исключительно в письменной форме (абракадабры, молитвы-амулеты и т. п.); во-вторых, христианские книжные тексты (канонические и апокрифические), используемые в качестве заговоров; в-третьих, собственно письменные заговоры, которые испытали на себе сильное влияние религиозной книжности и церковнославянского языка, и магический эффект от которых ожидается в результате чтения вслух, исполнения по памяти или хранения их определенным образом; в-четвертых, устные заговоры, при передаче или хранении которых допускается письменная фиксация (одним из способов употребления которых может быть записывание)» [Москвина 2003, с. 78].

Структура комментария к отдельным текстам: обязательная часть

Научный аппарат книги, в которой публикуются фольклорные материалы, включает обычно вступительную статью, корпус текстов, комментарии и различные указатели и приложения. В случае если собрание заговоров занимает только часть издания, этой публикации может быть предпослана преамбула, а в некоторых изданиях имеется и вторая преамбула непосредственно

перед комментариями. При публикации рукописных текстов в преамбуле дается описание рукописи согласно действующим правилам.

В тех случаях, когда заговоры издаются в рамках определенных академических серий, составители комментариев ориентируются на общие правила, принятые в данных сериях и уже апробированные в предыдущих томах. Например, белорусское издание «Замовы» (Зам.) подготовлено в составе серии «Беларуская народная творчасць» (1992), а издание «Русский календарно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока: Песни. Заговоры» (РКОФ) представляет собой 13-й том «Памятников фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» (1997). В обоих изданиях тексты сгруппированы по функциональному принципу и пронумерованы; в комментариях приводятся «легенды» заговорных текстов, иногда также даются указания на опубликованные и архивные варианты.

Помимо затекстовых комментариев, в изданиях рукописных заговоров используются также подстрочные примечания, в которых указываются описки в рукописи и их исправления издателем, графические выделения в тексте оригинала, утраты текста в результате механических повреждений рукописи и т. д.

Комментарий к отдельным заговорам включает две части – обязательную и дополнительную, хотя многие издания ограничиваются первой. В случае публикации изустных записей в начале обязательной части приводятся указания на место архивного хранения, а в случае с рукописными текстами описание рукописи обычно дается в преамбуле. К сожалению, среди фольклористов распространена практика давать ссылки типа «Личный архив такого-то», что затрудняет или даже практически исключает последующую верификацию опубликованных данных.

Указание шифра архивного хранения при работе с документами в государственных архивах дает гарантию того, что другой исследователь в будущем сможет найти указанную рукопись и перепроверить опубликованные тексты. К сожалению, с фольклорными архивами все далеко не всегда обстоит так благополучно, и это порождает (и, несомненно, еще породит в будущем) целый ряд проблем.

Например, некоторые фольклорные архивы организованы в виде картотек и не имеют шифров архивного хранения. Как правило, карточки расставляются по населенным пунктам, а внутри – по темам или номерам вопросов в программе, по которой собирались материалы. Существуют и другие способы организации картотек (например, в алфавитном порядке ключевых слов). При публикации материалов обычно указывается год и место записи,

иногда также приводятся сведения об информанте. В принципе, по этим данным впоследствии можно будет найти нужную карточку, хотя на деле она может потеряться или оказаться не на своем месте.

Когда такая картотека переводится в электронную форму хранения, она становится более доступной для пользователей, однако часть информации при этом может быть утрачена. Например, далеко не всегда на основе электронного набора, как, впрочем, и на основе самой картотеки, можно восстановить репертуар определенного исполнителя. Если же сведения об информантах утрачены, то материалы и вовсе становятся анонимными, хотя понятно, что, например, записи от местной знахарки, от учительницы сельской школы или от ребенка из младших классов имеют разную содержательную ценность.

Проблемы организации фольклорного архива во многом обусловлены его мультимедийным характером. В фольклорном архиве могут храниться тетради с полевыми записями, дневники собирателей, рукописи, переданные носителями традиции. Архив включает и компьютерную часть, в которой имеются текстовые файлы, а также фото-, аудио- и видеофайлы. При этом один и тот же текст может быть продублирован в архиве неоднократно (например, в виде записи от руки, электронного набора и записи на диктофоне). Для нормального функционирования такого архива нужна не только традиционная опись материалов, но и система («древо») описей, которая позволит оперативно находить затребованные материалы на разных носителях и соотносить их друг с другом. Оцифрованные текстовые файлы могут быть размещены в Интернете с ограниченным доступом.

В случае если участники экспедиции имеют с собой и диктофоны, и ноутбуки, они могут прямо в экспедиции осуществлять электронный набор текстов. В связи с этим некоторые фольклористы стали отказываться от бумажных носителей в пользу электронного набора. Технологически это вполне осуществимо, однако чревато новыми проблемами с точки зрения архивирования этих материалов и их последующего использования.

Сведения о времени и месте исполнения магических текстов

В обязательной части комментария приводятся также сведения о том, кто, где, когда и у кого записал данный текст. Вопрос о том, какие сведения следует сообщать об исполнителях заговоров, заслуживает специального обсуждения.

В случаях с рукописями, сохранившимися в составе судебно-следственных материалов XVII–XVIII вв., ситуация обстоит относительно благополучно: в следственном деле, как правило, имеются сведения о месте проживания и времени деятельности переписчиков и владельцев этих рукописей. Иногда сообщается и о том, где, когда, как и у кого они приобрелись к магии, кто дал им скопировать рукопись или обучил устным заговорам, где, когда и как они использовали эти тексты, кому их передавали и т. д.

Остальные рукописи первой группы по большей части остаются безымянными, а их датировка основывается на комплексе данных: записи писцов, владельцев и пользователей, водяные знаки, тип почерка, сведения о каких-то исторических реалиях в самих текстах и т. п. Значительно чаще имеются сведения о месте и времени приобретения таких рукописей каким-нибудь собирателем и их поступлении в архив. Публикаторы обычно исходят из предположения, что рукопись продолжала использоваться примерно там же, где она была составлена (например, представителями разных поколений одной и той же семьи), однако понятно, что рукопись могла перемещаться между населенными пунктами или даже регионами.

Что касается второй группы рукописей, то время из поступления в архив и место составления обычно известны достаточно точно. Однако сама рукопись могла быть составлена значительно ранее этого времени, так что между фиксацией текстов и отсылкой рукописи в РГО могло пройти несколько десятилетий. Записи могли делаться на протяжении более или менее длительного времени в разных населенных пунктах. Например, рукопись Т.В. Кибальчича составлена по материалам, собранным в Черниговской, Полтавской и Киевской губерниях в период с 1872 по 1880 г. (Научный архив Русского географического общества, р. XLVI, № 22).

В записях середины XIX – начала XX в. личности исполнителя уделялось мало внимания. В большинстве случаев мы знаем имена собирателей фольклора, но почти ничего не знаем о тех, кто сообщал им свои тексты или передавал рукописные тетрадки. Имеются свидетельства о том, что носители фольклорной традиции опасались делиться своими личными данными с собирателями [Азадовский 2013, с. 539–540, примеч. 594].

В публикациях заговоров 1990–2000-х гг. обычно приводился минимальный набор сведений об исполнителях, однако в самой необходимости сообщать такие сведения, кажется, никто не сомневался. Ситуация осложнилась в последние годы в связи с широким распространением Интернета, технической возможностью вывешивать собранные материалы сразу после их записи и распростра-

нением коммерческих отношений на все сферы жизни, в том числе и на сферу фольклорного творчества.

Пока нет единообразного понимания ряда вопросов: можно ли приводить настоящие имена исполнителей, сведения об их возрасте, виде деятельности, биографические данные? Имеет ли право собиратель публиковать записанные им тексты, не получив на это разрешения от информанта? Если для публикации требуется разрешение, то как оно должно быть оформлено? Имеет ли исполнитель фольклорных текстов авторские права на записанные от него тексты?

Правовое регулирование этих вопросов пока отсутствует, однако очевидно, что при публикации личных данных требуется соблюдать крайнюю осторожность и иметь в виду возможные последствия и для исполнителя, и для самого фольклориста. Реальные проблемы могут возникнуть особенно в тех случаях, когда фольклорист включает в свои исследования рассказы о порче, сглазе, любовных приворотах, отношениях магических специалистов с односельчанами и т. д.

Структура комментария к отдельным текстам: дополнительная часть

Дополнительная часть комментариев, как явствует из самого ее названия, не имеет обязательного характера. Ее объем и содержание существенно варьируются в зависимости от типа издания, профессиональной подготовки публикатора и направленности его интересов. Дополнительная часть призвана восстановить ближайшие контексты заговора, прояснить его «темные места» и приблизить публикуемые тексты к восприятию современного читателя.

Работая над этой частью, комментатор решает следующие задачи:

- идентифицировать текст как заговор или дать иную жанровую характеристику (напомним, что помимо собственно заговоров в публикацию также могут быть включены приговоры, заговоры-обереги, заговоры-молитвы и т. д., а в одних рукописях с заговорами встречаются апокрифические нарративы, народные молитвы и т. д.);
- определить сюжетный тип заговора (если данный тип описан в указателях или специальной литературе) и указать основную литературу вопроса (если она есть);
- привести библиографическую справку о первой публикации текста, если он публикуется повторно;
- проанализировать структуру и формульный состав текста;

- указать на параллели к данному тексту и к отдельным формулам, входящим в его состав, в других текстах данной коллекции и в опубликованных источниках;
- выявить цитаты из Библии, Псалтири, молитвословов, произведений апокрифической книжности (если они есть);
- объяснить лексику и фразеологию, которая может быть непонятна для современного читателя.

В систематическом виде сюжетные типы заговоров представлены в «Материалах к функциональному указателю сюжетов и мотивов» (ВЗМФУ, с. 9–102). Имеются также указатели любовных и социальных заговоров [Топорков 2005, с. 364–400]. Многочисленные статьи посвящены отдельным типам славянских заговоров. Аннотированная библиография публикаций русских, украинских и белорусских заговоров помогает осуществить поиск параллелей и вариантов к публикуемым текстам (ВЗМФУ, с. 127–319).

Наш современник не всегда опознает отсылки к церковной традиции, которые были очевидны для людей XVII–XIX вв. Большой проблемой может стать недостаточное знакомство с Библией, литургией, частным и общественным богослужением, требником, молитвословом. Опознать библейские мотивы помогает Интернет, однако литургические цитаты часто остаются для комментаторов камнем преткновения.

При копировании заговоров в «заветных тетрадках» переписчики подчас портили текст, не понимая его смысла, допускали ошибки и описки в отдельных словах и выражениях. При публикации подобных заговоров желательно найти аналогичные тексты в опубликованных ранее собраниях и с их помощью откомментировать фрагменты, испорченные малограмотными переписчиками.

Проблемы полевых записей магического фольклора

Если до распада СССР сама магическая традиция и публикации заговоров фактически находились под негласным запретом, то с начала 1990-х гг. вся эта сфера перестала табуироваться и, даже наоборот, приобрела некоторый оттенок сенсационности. Сельские жители перестали бояться сообщать заговоры собирателям, а собиратели получили возможность оперативно публиковать записанные ими в поле или найденные в архивах магические тексты.

Само понимание фольклора эволюционировало в сторону междисциплинарности и большей свободы выбора методов исследования. С одной стороны, фольклористы фиксируют и

изучают не только вербальные тексты, но и ритуалы, в которых задействованы заговоры, магию и ее функции в сельском социуме, поведение магических специалистов и их социальную репутацию, феномены знахарства и колдовства, состояния измененного сознания, с другой – заговоры из несколько маргинальной темы превратились в исследовательское поле, на котором сошлись интересы фольклористов и историков, археографов, исследователей древнерусской литературы, славистов, этнолингвистов, лингвофольклористов, этнографов, культурных (социальных) антропологов, археологов, лингвистов. Например, историки, археографы и исследователи древнерусской литературы привнесли в изучение рукописных заговоров близкие им источниковедческие и текстологические подходы, воссоздали социальное функционирование заговоров в русской культуре XVII–XVIII вв., ввели в научный оборот обширный корпус текстов из судебно-следственных материалов раннего Нового времени; слависты, этнолингвисты и лингвофольклористы рассмотрели заговоры как определенный вид вербальных ритуалов и ритуальной речевой деятельности, исследовали ономастикон заговоров и их сюжетно-мотивный состав; этнографы и культурные (социальные) антропологи выявили связь заговоров со сценариями жизни традиционного человека; археологи и лингвисты обнаружили ряд средневековых граффити, записей на бересте и других носителях, которые интерпретируются как магические тексты, имеющие продолжение в последующей традиции.

Кардинально изменилось техническое оснащение фольклорных экспедиций. В настоящее время большинство собирателей оснащены цифровыми диктофонами и смартфонами с видеокамерами, что позволяет фиксировать исполнение заговоров в естественной обстановке как составную часть ритуального действия, а впоследствии хранить записи вне зависимости от их объема в неограниченном количестве и при желании использовать в различных презентациях и вывешивать в интернете. Использование аудио- и видеоаппаратуры позволяет зафиксировать исполнение текста, сохранив темп и интонации его произнесения, тембр голоса, жесты и мимику, соматические взаимодействия целителя и пациента, окружающую обстановку, способы обращения с вещами. Тексты заговоров, записанные в процессе исполнения, могут включать многочисленные повторы и быть значительно больше по своему размеру тех, которые известны нам по «бумажным» публикациям.

Особые возможности открываются в тех случаях, когда собиратели общаются с целителем на протяжении длительного времени. Первоначальная настроенность исполнителя постепенно

сменяется доброжелательностью; сомнения в отношении намерений приезжих уступают место доверительному взаимопониманию. В результате перед фольклористом открывается возможность не только записать отдельные тексты, но и зафиксировать полностью репертуар исполнителя, рассказ о его биографии. Значительный интерес представляют повторные записи, поскольку на их основе можно выяснить, каким образом текст сохраняется в памяти целителя, актуализируется в процессе исполнения и изменяется с течением времени.

Данные об исполнителе и его репертуаре могут стать темой специального исследования; они могут быть также включены в преамбулу или в комментарии к публикации. Для автора этой статьи важным опытом стала работа, проделанная с группой студентов в 2006 г. в поселении Андомский погост Вытегорского района Вологодской области. Мы день за днем ходили к местной целительнице, которая любезно согласилась полечить нескольких участниц нашей экспедиции и меня как их руководителя. Сеансы лечения фиксировались на видеокамеру и диктофон. Впоследствии мы еще раз повторили такой сеанс лечения через год.

Благодаря проделанной работе мы записали в процессе исполнения и в естественной обстановке несколько вариантов одного и того же заговора с сопутствующими действиями, установили зависимость между степенью полноты произнесенного текста и конкретной ситуацией, а также множество корреляций между содержанием заговора и системой жестов, которыми сопровождалось его исполнение ([Публичук, Топорков 2012]).

В полевых условиях собиратель в зависимости от того, как он понимает свои задачи, стремится зафиксировать либо текст заговора, либо ритуал, в ходе которого он произносится, либо и то и другое. Соответственно, и публикатор имеет возможность выбирать, публиковать ли ему текст заговора с дополнительными сведениями о его функционировании или давать целиком расшифровку диктофонной записи, в составе которой имеется текст заговора наряду с описанием обрядовых действий. При записи на диктофон рассказ о произнесении заговора может перебиваться сообщениями о действиях исполнителя, реакциях пациента, окружающей обстановке. После расшифровки такой аудиозаписи вычленишь из нее целостный текст заговора бывает довольно сложно. Таким образом, использование звукозаписывающей аппаратуры не только открывает новые возможности, но и порождает определенные проблемы, которые нуждаются в обсуждении.

Некоторые выводы

Использование цифровых технологий открывает новые пути для собирания и архивирования заговоров. Наряду с традиционными бумажными публикациями необходимо развивать практику создания баз данных и электронных библиотек (см.: [Ilyefalvi 2017]).

Проблема составления комментариев для изданий магического фольклора имеет многоаспектный характер, поскольку речь идет, по существу, о двух традициях бытования текстов – устной и рукописной, причем корпусы текстов, функционирующих в этих традициях, только частично пересекаются друг с другом.

Комментария требуют не только отдельные тексты, но и те гипертекстовые структуры, в которые они включены; очевидно, что эти структуры различаются в устных и рукописных традициях. В первых речь идет о включенности текста в ритуальный контекст, репертуар исполнителя или локальной традиции, во вторых – о рукописях, в составе которых зафиксированы тексты, или о более широком контексте в случаях, когда заговоры дошли до нас в составе судебно-следственных материалов.

Комментарий предполагает характеристику структуры текста и его формульного состава с учетом того, что заговоры различаются не только по параметру «устные /рукописные», но и по наличию или отсутствию сюжета и степени его развитости, уровню книжного влияния, характеру ритуального функционирования и т. д.

Наряду с заговорами комментатору приходится иметь дело и с другими текстами: в случае с устной традицией это, например, различные вербальные ритуалы и формы ритуальной речи, которые близки заговорам и фиксируются вместе с ними собирателями; в случае с рукописной традицией – различные апокрифические молитвы и гадательные тексты, которые встречаются в одних рукописях с заговорами.

Современные подходы к фольклорному тексту предполагают не только фиксацию его вербальной составляющей, но и ритуальной обстановки, репертуара исполнителя, его биографии, репутации в глазах односельчан и жителей окружающих деревень и т. д.; все это дает комментатору материалы для рассмотрения заговоров в контексте их функционирования.

Новые технические средства предоставляют фольклористам возможности фиксировать исполнение заговоров с помощью аудио- и видеоаппаратуры в естественной обстановке, с сохранением звучания голоса, жестикуляции, материальной обстановки; в комментарии к таким записям может быть раскрыта их поэтика, мелодические характеристики и т. д. Можно предсказать,

что в скором будущем читатель получит возможность перейти в Интернете по QR-коду, считанному в книге, и познакомиться не только с текстом заговора, но и с аутентичным воспроизведением его исполнения в естественных условиях.

Одна из задач, стоящих перед исследователями и публикаторами заговоров, заключается в том, чтобы разработать определенный стандарт научных изданий, который бы соответствовал академическим требованиям в области текстологии и источниковедения.

Очевидно, что для фольклористов более естественно общаться в экспедиции с живыми хранителями традиции, чем изучать в архивах старинные рукописи. Кроме того, чтение последних требует профессиональных навыков, которыми не все фольклористы владеют. В связи с этим перед гуманитарными факультетами университетов стоит задача подготовки таких специалистов, которые могли бы квалифицированно заниматься и полевой, и археографической, и публикаторской работой.

Сокращения

- ВЗМФУ – Восточнославянские заговоры: Материалы к функциональному указателю сюжетов и мотивов: Аннотированная библиография / авт.-сост. Т.А. Агапкина, А.Л. Топорков. М.: Индрик, 2014. 320 с.
- Зам. – Замовы / уклад., сістэма тэкстаў, камент. Г.А. Барташэвіч. Мінск: Беларуская навука, 1992. 597 с.
- РКОФ – Русский календарно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока: Песни. Заговоры / сост. Ф.Ф. Болонев, М.Н. Мельников, Н.В. Леонова. Новосибирск: Наука, 1997. 600 с.
- ОЧР – Отреченное чтение в России XVII–XVIII вв. / отв. ред. А.Л. Топорков, А.А. Турилов. М.: Индрик, 2002. 583 с.
- РЗРИ – Русские заговоры из рукописных источников XVII – первой половины XIX в. / Сост., подг. текстов, статьи и коммент. А.Л. Топоркова. М.: Индрик, 2010. 847 с.
- СЛФРТ – Сисиниева легенда в фольклорных и рукописных традициях Ближнего Востока, Балкан и Восточной Европы / отв. ред. А.Л. Топорков. М.: Индрик, 2017. 856 с.
- СДЭС – Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / ред. Н.И. Толстой. М.: Международные отношения, 1995–2012. Т. 1–5.

Литература

- Агапкина 2010 – *Агапкина Т.А.* Восточнославянские лечебные заговоры в сравнительном освещении: Сюжетика и образ мира. М.: Индрик, 2010. 824 с.
- Азадовский 2013 – *Азадовский М.К.* История русской фольклористики: В 2 т. 2-е изд. М.: РГГУ, 2013. Т. 1. 978 с.
- Бобров, Финченко 1986 – *Бобров А.Г., Финченко А.Е.* Рукописный «отпуск» в пастушеской обрядности Русского Севера (конец XVIII – начало XX в.) // Русский Север: проблемы этнокультурной истории, этнографии и фольклористики: сборник статей / отв. ред. Т.А. Бернштам, К.В. Чистов. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1986. С. 135–164.
- Дианова 2002 – *Дианова Т.Е.* Гипертекстовые единства в живой фольклорной традиции // Актуальные проблемы полевой фольклористики / отв. ред. А.А. Иванова. М.: Изд-во Московского ун-та, 2002. С. 68–74.
- Дианова 2004 – *Дианова Т.Б.* Рукописные коллекции фольклорных текстов как составляющая фольклорной традиции / отв. ред. А.А. Иванова // Актуальные проблемы полевой фольклористики. М.: Изд-во Московского ун-та, 2004. Вып. 3. С. 94–105.
- Дианова, Ковпик, Чеканова 2002 – *Дианова Т.Б., Ковпик В.А., Чеканова А.В.* Письменные формы фольклора (предварительная классификация и рекомендации по собиранию) // Актуальные проблемы полевой фольклористики / отв. ред. А.А. Иванова. М.: Изд-во Московского ун-та, 2002. Вып. 1. С. 196–205.
- Захарова 2014 – *Захарова О.В.* Былина в русском тезаурусе: история слова, термина, категории // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 4. С. 268–275.
- Ильина, Ипполитова 2009 – *Ильина Т.С., Ипполитова А.Б.* Водлозерский пастушеский отпуск конца XVIII в. из экспедиционных материалов Н.Н. Харузина // Ильинский Водлозерский погост: материалы научной конференции «Водлозерские чтения: Ильинский погост» (6–10 августа 2007 г.) / Нац. парк «Водлозерский»; под ред. А.В. Пигина. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009. С. 197–245.
- Левкиевская 2002 – *Левкиевская Е.Е.* Славянский оберег: Семантика и структура. М.: Индрик, 2002. 336 с.
- Мороз 2001 – *Мороз А.Б.* Севернорусские пастушеские отпуска и магия первого выгона у славян // Восточнославянский этнолингвистический сборник / отв. ред. А.А. Плотникова. М.: Индрик, 2001. С. 232–258.
- Мороз 2003 – *Мороз А.Б.* Пастушеская обрядность в восприятии пастуха и крестьянской общины // Актуальные проблемы полевой фольклористики / отв. ред. А.А. Иванова. М.: Изд-во Московского ун-та, 2003. Вып. 2. С. 42–52.

- Москвица 2003 – *Москвица В.А.* Письменная заговорная традиция Западной Сибири // Традиционная культура. 2003. № 1. С. 74–78.
- Публичук, Топорков 2012 – *Публичук Е.В., Топорков А.Л.* «Где-то что-то есть»: знахарка из Андомы о жизни, о вере и об опыте целительства // О своей земле, своей вере, настоящем и пережитом в России XX–XXI вв. (к изучению биографического и религиозного нарратива) / под ред. Е.Б. Смилянской. М.: Индрик, 2012. С. 235–260.
- Смилянская 2002 – *Смилянская Е.Б.* «Суеверное письмо» в судебносудственных документах XVIII в. // Отреченное чтение в России XVII–XVIII вв. / отв. ред. А.Л. Топорков, А.А. Турилов. М.: Индрик, 2002. С. 75–98.
- Смилянская 2003 – *Смилянская Е.Б.* Волшебники. Богохульники. Еретики: Народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII в. М.: Индрик, 2003. 463 с.
- Терешкина 2011 – *Терешкина Д.Б.* Заговор и молитва: народное христианство в заговорах новгородской традиции // Новгородика-2010: Вечевой Новгород: Материалы Международной научно-практической конференции / сост. Д.Б. Терешкина. Великий Новгород: Новгородский государственный ун-т им. Ярослава Мудрого, 2011. Ч. 3. С. 131–144.
- Топорков 2005 – *Топорков А.Л.* Заговоры в русской рукописной традиции XV–XIX в.: История, символика, поэтика. М.: Индрик, 2005. 478 с.
- Топорков 2023 – *Топорков А.Л.* «Сон Богородицы» в русских рукописных и фольклорных традициях (XVII – начало XXI в.) // *Studia Litterarum*. 2023. Т. 8. № 2. С. 268–287.
- Фадеева 1995 – *Фадеева Л.В.* Письменная заговорная традиция (проблемы собирания и изучения) // Материалы международной конференции «Фольклор и современность», посвященной памяти проф. Н.И. Савушкиной (20–22 окт. 1994 г.). М.: МГДТДИУ, 1995. С. 38–45.
- Шестеркина 2014 – *Шестеркина Н.В.* Соотношение народной молитвы и заговора // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2014. № 18 (704). 2014. С. 96–108.
- Ilyefalvi 2017 – *Ilyefalvi E.* Textualization strategies, typological attempts, digital databases: What is the future of the comparative charm scholarship? // *Incantatio. An International Journal on Charms, Charmers and Charming*. 2017. Iss. 6. P. 37–77.

References

- Agapkina, T.A. (2010), *Vostochnoslavjanskije lecebnye zagovory v sravnitel'nom osveshchenii: Syuzhetika i obraz mira* [East Slavic healing spells in comparative light: Plot and image of the world], Indrik, Moscow, Russia.
- Azadovskii, M.K. (2013), *Istoriya russkoi fol'kloristiki* [History of Russian folkloristics], vol. 1, RGGU, Moscow, Russia.
- Bobrov, A.G. and Finchenko, A.E. (1986), "Handwritten 'otpusk' in the shepherd rituals of the Russian North (late 18th – early 20th centuries)", in Bernshtam, T.A. and Chistov, K.V., eds., *Russkii Sever* [Russian North], Nauka, Leningrad, USSR, pp. 135–164.
- Dianova, T.E. (2002), "Hypertext unities in the living folklore tradition", in Ivanova, A.A., ed., *Aktual'nye problemy polevoi fol'kloristiki* [Current problems of field folkloristics], Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta, Moscow, Russia, pp. 68–74.
- Dianova, T.B. (2004), "Handwritten collections of folklore texts as a component of folklore tradition", in Ivanova, A.A., ed., *Aktual'nye problemy polevoi fol'kloristiki* [Current problems of field folkloristics], iss. 3, Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta, Moscow, Russia, pp. 94–105.
- Dianova, T.B., Kovpik, V.A. and Chekanova, A.V. (2002), "Written forms of folklore (preliminary classification and collection recommendations)", in Ivanova, A.A., ed., *Aktual'nye problemy polevoi fol'kloristiki* [Current problems of field folkloristics], iss. 1, Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta, Moscow, Russia, pp. 196–205.
- Fadeeva, L.V. (1995) "Written spell tradition (problems of collecting and studying)", *Materialy mezhdunarodnoi konferentsii "Fol'klor i sovremennost'"*, posvyashchennoi pamyati prof. N.I. Savushkinoi (20–22 oktyabrya 1994 goda) [Proceedings of the international conference "Folklore and Modernity", dedicated to the memory of prof. N.I. Savushkina (20–22 Oct. 1994)], Moscow, Russia, pp. 38–45.
- Il'ina, T.S. and Ippolitova, A.B. (2009), "Vodlozersky shepherd's otpusk at the end of the 18th century from expedition materials of N.N. Kharuzin", in Pigin, A.V., ed., *Il'inskii Vodlozerskii pogost (Materialy nauchnoi konferentsii "Vodlozerskie chteniya")* (6–10 avgusta 2007 goda) [Ilyinsky Vodlozersky Pogost: Proceedings of the scientific conference "Vodlozersky readings"] (6–10 Aug. 2007)], Izdatel'stvo Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta, Petrozavodsk, Russia, pp. 197–245.
- Ilyefalvi, E. (2017), "Textualization strategies, typological attempts, digital databases: What is the future of the comparative charm scholarship?", *Incantatio. An International Journal on Charms, Charmers and Charming*, iss. 6, pp. 37–77.

- Levkievskaya, E.E. (2002), *Slavyanskii obereg: Semantika i struktura* [Slavic apotropaic: Semantics and structure], Indrik, Moscow, Russia.
- Moroz, A.B. (2001), "Northern Russian pastoral holidays and the magic of the first pasture among the Slavs", in Plotnikova, A.A., ed., *Vostochnoslavianskii etnolingvisticheskii sbornik* [East Slavic ethnolinguistic collection], Indrik, Moscow, Russia, pp. 232–258.
- Moroz, A.B. (2003), "Pastoral rituals as perceived by the shepherd and the peasant community", in Ivanova, A.A., ed., *Aktual'nye problemy polevoi fol'kloristiki* [Current problems of field folkloristics], iss. 2, Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta, Moscow, Russia, pp. 42–52.
- Moskvina, V.A. (2003), "Written spell tradition of Western Siberia", *Traditional culture*, no. 1, pp. 74–78.
- Publichuk, E.V. and Toporkov, A.L. (2012), "'Somewhere there is something': a healer from Andoma about life, about faith and about the experience of healing", in Smilyanskaya, E.B., ed., *O svoei zemle, svoei vere, nastoyashchem i perezhitom v Rossii XX–XXI vv. (k izucheniyu biograficheskogo i religioznogo narrativa)* [About your land, your faith, the present and what you have experienced in Russia in the 20th – 21st centuries (to the study of biographical and religious narrative)], Indrik, Moscow, Russia, pp. 235–260.
- Shesterkina, N.V. (2014), "Correlation of a folk prayer and a charm", *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, vol. 704, no. 18, pp. 96–108.
- Smilyanskaya, E.B. (2002), "'Superstitious letter' in judicial and investigative documents of the 18th century", in Toporkov, A.L. and Turilov, A.A., eds., *Otrechennoe chtenie v Rossii XVII–XVIII vekov* [Forbidden reading in Russia of the 17th – 18th centuries], Indrik, Moscow, Russia, pp. 75–98.
- Smilyanskaya, E.B. (2003), *Volshebnyki. Bogokhul'niki. Eretiki: Narodnaya religioznost' i «dukhovnye prestupleniya» v Rossii XVIII v.* [Magicians, blasphemers, and heretics: Popular religiosity and 'spiritual crimes' in 18th century Russia], Indrik, Moscow, Russia.
- Tereshkina, D.B. (2011), "Spell and prayer: folk Christianity in the spells of the Novgorod tradition", in Tereshkina, D.B., comp., *Novgorodika-2010: Vechevoi Novgorod: Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Novgorodika-2010. Vechevoi Novgorod: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference], part 3, Novgorodskii gosudarstvennyi universitet imeni Yaroslava Mudrogo, Velikii Novgorod, Russia, pp. 131–144.
- Toporkov, A.L. (2005), *Zagovory v russkoi rukopisnoi traditsii XV–XIX v.: Istoriya, simvolika, poetika* [Verbal charms in the Russian handwritten tradition of the 15th – 19th centuries: History, symbolism, poetics], Indrik, Moscow, Russia.

Toporkov, A.L. (2023), “ ‘Dream of the Virgin’ in Russian handwritten and folklore traditions (17th – the beginning of the 21st century)”, *Studia Litterarum*, vol. 8, no. 2, pp. 268–287.

Zakharova, O.V. (2014), “The bylina in Russian thesaurus: A history of the word, term and category”, *Znanie. Ponimanie. Umenie*, vol. 4, pp. 268–275.

Информация об авторе

Андрей Л. Топорков, доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва, Россия; 121069, Россия, Москва, ул. Поварская, д. 25а; atoporkov@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-3106-3819

Information about the author

Andrei L. Toporkov, Dr. of Sci. (Philology), professor, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; 25a, Povarskaya St., Moscow, Russia, 121069; atoporkov@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-3106-3819